

Кутлимурадова Н.И.

Возраст лирического персонажа как поэтическая информация в стихотворениях Махтумкули

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 96–104.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 96–104.

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.37482/2687-1505-V412

Возраст лирического персонажа как поэтическая информация в стихотворениях Махтумкули

Назкат Искандаровна Кутлимурадова

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: kutlimuradova1993@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5480-660X>

Аннотация. В данной работе рассматривается актуализация категории «возраст» в контексте диалога культур. Материалом служат переведенные на русский язык тексты туркменского классика Фраги Махтумкули. Большинство научных исследований, посвященных творчеству национального поэта, проводится в рамках литературоведения, переводоведения и философии. Филологические труды рассматривают, в частности, стилистические особенности и заимствования. Изучение наследия поэта актуально в связи с его 300-летним юбилеем. Автор статьи анализирует примеры абсолютного и условного возрастов, характеризует языковые средства выражения возраста в текстах сборника стихотворений Махтумкули. Приводит обозначения возрастных периодов в туркменской картине мира и проводит их количественный анализ на поэтическом материале. Уделяет внимание метафоре со значением возраста. Отмечает универсальность категории «возраст», подтверждая это примерами из текстов туркменского поэта. Особое место отводит автобиографическим стихотворениям. Согласно количественному анализу, в 95 из 274 стихотворений сборника присутствуют слова и словосочетания с семантикой возраста. Наиболее частотной лексемой с обозначением возраста является лексема «джигит», которая имеет множество значений. Это слово в контексте стихотворений Махтумкули содержит мелиоративную и пейоративную оценки. Данная работа позволяет рассмотреть индивидуальную картину мира туркменского мыслителя и специфику туркменской лингвокультуры, дает возможность ознакомиться с восприятием старости и юности у туркмен. Особо важными у Махтумкули являются сравнительные конструкции, в частности лирическая героиня сравнивается с молодой двухнедельной луной, что характерно для туркменской культуры. Среди примеров встречаются конструкции, подтверждающие линейность времени. В целом стихотворения туркменского поэта отражают его религиозную картину мира.

Ключевые слова: лексические маркеры возраста, интерпретационное поле концепта, лирический персонаж, туркменская лингвокультура, туркменская поэзия, Махтумкули

Для цитирования: Кутлимурадова, Н. И. Возраст лирического персонажа как поэтическая информация в стихотворениях Махтумкули / Н. И. Кутлимурадова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 96-104. – DOI 10.37482/2687-1505-V412.

© Кутлимурадова Н.И., 2025

Original article

Age of the Lyrical Hero as Poetic Information in Magtymguly's Poems

Nazokat I. Kutlimuradova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: kutlimuradova1993@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5480-660X>

Abstract. This paper examines the actualization of the category of age in the context of the dialogue of cultures. The material includes Russian translations of the texts of Turkmen classical poet Magtymguly Pyragy. Most of the research on his works is conducted within the framework of literary and translation studies as well as philosophy, while philologists focus on stylistic peculiarities and borrowings. Studying Magtymguly's heritage is relevant in view of the 300th anniversary of his birth. The article analyses examples of absolute and conventional ages and describes the linguistic means of expressing age in Magtymguly's collected poems. Further, words for periods of the human life in the Turkmen worldview are presented and their quantitative analysis based on the lyric poetry is carried out. The paper dwells on the metaphor with the meaning of age and notes the universality of the category of age, while providing examples from Magtymguly's poems. Special attention is given to his autobiographical poems. According to the quantitative analysis, 95 out of 274 poems under study contain words and expressions with the semantics of age. The most frequent lexeme denoting age is *dzhigit*, which has numerous meanings. This word in Magtymguly's poetry has both ameliorative and pejorative overtones. The paper provides insight into Magtymguly's worldview and the specifics of Turkmen linguoculture, as well as sheds some light on the perception of old age and youth among Turkmen. Of special importance for Magtymguly are comparative constructions. For instance, a lyrical heroine is compared to a young fortnight moon, which is characteristic of Turkmen culture. Among the examples are constructions confirming the linear nature of time. In general, Magtymguly's poems reflect his religious worldview.

Keywords: *lexical age markers, interpretive field of a concept, lyrical subject, Turkmen linguoculture, Turkmen poetry, Magtymguly*

For citation: Kutlimuradova N.I. Age of the Lyrical Hero as Poetic Information in Magtymguly's Poems. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 96–104. DOI: 10.37482/2687-1505-V412

Категория *возраст* является объектом исследования философии, педагогики, психологии, социологии, медицины, физиологии, юриспруденции, филологии и других наук. Ученые относят *возраст* к универсальным категориям: «Возраст – одна из важных характеристик объектов живой и неживой природы, выражаемая широким диапазоном языковых единиц и речевых структур» [1, с. 110]. Возраст человека представляет собой сложное явление и имеет

биологическую, социальную и психологическую значимость.

Признается тесная связь понятий *время* и *возраст*. Для одного поколения *время* – это детство и юность, для другого – взрослая жизнь, для третьего – старость с соответствующими ей ограничениями и зависимостями. В. Пиндер писал, что «каждый человек живет с людьми одного и того же возраста и разных возрастов... Для каждого из них одно и то же время – это

разное время, а именно разный возраст самого себя, который он разделяет только со своими сверстниками»¹ [2, с. 28].

Дискуссии о власти времени над человеком и власти человека над временем имеют давнюю историю в научном дискурсе. Согласно широко известному мнению, с раннего детства через интернализацию хронократии происходят обучение саморегуляции и развитие индивидуального сознания времени. Чем сильнее ощущается нехватка времени, тем больше человек стремится использовать разного рода знаковые системы, которые абстрагируются от вещей и становятся доступными [3, с. 1]. М. Хайдеггер ясно видел эту тенденцию и говорил в ее контексте о *времени образов мира*, которое определяется не тем, что человек создает образ мира, а тем, что мир постигается как образ. Мир постигается лишь постольку, поскольку он положен воображающим творческим человеком как воображаемый образ: «Вообразить здесь означает: представить присутствующее перед собой как нечто противоположное, соотносить его с собой, воображающим, и заставить его вернуться в это отношение к себе как к авторитетной области» [4, с. 8].

Ученые признают неоднородность категории *возраст* и неоднозначность его связи с категорией *время*. Так, выделяют *возраст* абсолютный (хронологический, календарный), который может быть выражен количеством временных единиц (секунды, года, тысячелетия), и условный, который «определяется путем самоощущения субъекта в определенном эволюционно-генетическом и социокультурном контексте, процессе развития» [5, с. 25]. С одной стороны, возраст – это результат физического процесса, с другой – процесс культурного конструирования. Временные этапы человеческой жизни философски осмысливаются, например: «Старение – это синоним жизни, подчеркивающий ее временность и скоротечность» [3, с. 1]. Очевидно, что в разных культурах и исторических эпохах возраст получает разные

интерпретации, несмотря на внешнюю общность процесса. Человеческая жизнь начинается с момента зачатия и заканчивается смертью. Между ними находится время жизни, или старения. В психологическом измерении временность существования человека ощущается прежде всего в старении физического тела. В культуре конечность жизни может быть оспорена. Так, христианство и ислам убеждены в воскресении: жизнь находит продолжение после смерти. Индуизм и буддизм предполагают возрождение в измененной форме. Если люди не верят в непрерывность жизни после смерти, конечность и временность приобретают неизбежность [3, с. 5].

Категория *возраст* является компонентом любой лингвокультуры. Общественный дискурс занимает значимое место при восприятии возрастных изменений. Об актуальности данной темы свидетельствуют исследования О.А. Авдеевой, И.С. Блиновой, Н.В. Крючковой, И.М. Любиной, З.Е. Фоминой в области лингвистики на материале различных языков. Концепт *возраст* и его разные аспекты рассматривают Ф.А. Марзук (способы вербализации понятия *возраст* в русском языке [6]) и Ю.Ю. Литвиненко (концепт *возраст* в русской языковой картине мира [7]).

Советские ученые проделали большую работу в изучении наследия Махтумкули, в частности В.В. Бартольд, А.Н. Самойлович, Е.Э. Бертельс и др. Одним из первых туркменских исследователей творчества Махтумкули является академик Б.А. Каррыев, защитивший в 1943 году докторскую диссертацию «Махтумкули и его патриотизм», – автор множества статей о творчестве национального поэта: «О языке Махтумкули», «Поэт-патриот Махтумкули», «Махтумкули и Неваи», «Диван Махтумкули, опубликованный в Германии», «О диване Махтумкули, хранящемся в Лондоне» и др. Сегодня лирика Фраги вызывает интерес не только опытных исследователей, но и молодых ученых. Среди современных филологов можно вы-

¹Здесь и далее представлен перевод автора настоящей статьи.

делить А. Сарыева [8], М. Соегова [9], А. Мередова², Т. Бекджаева³. В связи с 300-летним юбилеем поэта увеличилось количество работ, в которых раскрываются проблемы повторного перевода, стилистические приемы в стихотворениях классика, идея патриотизма, стилистические особенности перевода, заимствованные слова, фразеологические единицы, философские и политические взгляды поэта и др. Однако нет исследований, посвященных категории *возраст* в поэтическом наследии Махтумкули.

В настоящей статье мы рассмотрим репрезентацию концепта *возраст* в русских переводах произведений туркменского классика Махтумкули⁴. Такой ракурс анализа позволит проследить формирование художественного образа «чужой» туркменской культуры в сознании носителя русского языка.

Целями исследования являются реконструкция фрагмента индивидуально-авторской поэтической картины мира и моделирование лексико-семантического поля в поэтических переводах Махтумкули. Результаты анализа выбранного материала репрезентируют индивидуальное восприятие возраста туркменским классиком, его уникальную поэтическую картину мира и идиостиль.

Материалом послужили 274 стихотворения из сборника «Избранное» Махтумкули⁵, 95 из них включают слова и словосочетания с семан-

тикой возраста. В работе использовались такие методы, как количественный, контекстуальный, семантический и концептуальный анализ.

Поэтический текст как материал исследования предполагает обращение к образному и интерпретационному полю концепта. Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, интерпретационное поле относится к периферии концепта и не имеет определенной структуры. Оно содержит когнитивные признаки, условно распределяемые исследователями по следующим зонам: оценочной, энциклопедической, утилитарной, регулятивной, социально-культурной и паремнологической [10, с. 79–80].

В оригинальных текстах Махтумкули, созданных на туркменском языке, используются следующие единицы лексико-семантической группы со значением *возраст*: *yigit* (абстр. сущ.) – «джигит»/«юноша» (в переводе с турецкого на русский язык *молодой/молодец*⁶, *лихой наездник*⁷); *yigitçilik* (в русском языке – сущ., в туркменском – прил., образованное от сущ.) – «юношество»; *yaş* – «возраст»⁸, «молодой»; *yaşlyk* (прил., образованное от сущ. «молодость»)⁹; *garry* (прил.) – «старый»; *garrylyk* (прил., образованное от сущ. «старость»); *garramak* (глагол) – «стареть»¹⁰; *yaşuly* (*yaş* – «возраст», *uly* – «старший») – «пожилой», «возрастной человек» и форма обращения к ним; *yaşkiçi* (абстр. сущ.) – «младший»¹¹; *aksakal*

²Meredow A. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi. Günbed Kabus, 1997. 546 s.

³Bekjäyew T. Magtymgulynyň eserleriniň frazeologik sözlügi. Aşgabat: Türkmen döwlet neşirýat gullugy, 2016. 240 s.

⁴Фраги Махтумкули (1724–1807) – туркменский поэт, философ и классик туркменской литературы. В этом году во многих странах отпраздновали 300-летие со дня рождения поэта.

⁵Махтумкули. Избранное: пер. с туркм. М.: Худ. лит., 1983. 414 с.

⁶Джигит // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1893. Т. X-а. С. 540; Джигит // Военная энциклопедия: в 18 т. / под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.; М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 84. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/ВЭ/ВТ/Джигит> (дата обращения: 10.11.2024).

⁷Беловинский Л.В. Джигит // Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XIX в. / под ред. Н. Ереминой. М.: Эксмо, 2007. С. 171.

⁸Meredow A. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi. S. 496.

⁹Türkmençe-iňlisçe-rusça üç dilli lukmançylyk sözlügi. Aşgabat: TDKP, 2005. S. 111.

¹⁰Ibid. S. 39.

¹¹Ibid. S. 111.

(абстр. сущ., досл. *белобородый, пожилой мужчина, старейшина*); *aga* – 1) господин, начальник, правитель; 2) старший брат; 3) форма обращения к старшим по возрасту лицам мужского пола и в знак уважения¹²; *kethuda* – 1) глава дома, муж; 2) глава села, старшина села; 3) достойный¹³; *pir* – 1) старик; 2) глава суфиев; 3) создатель одного из течений суфизма¹⁴ и др. Речевые средства, отражающие категорию возраста, становятся способом формирования образа лирического героя.

В анализируемых стихотворениях, переведенных на русский язык, образ *возраста* воссоздается средствами русского языка. Соответствующие значения передаются лексическими и лексико-грамматическими средствами. Это прежде всего числительные (*пять, семь, девять, тридцать, сорок* и т. д.) в сочетании с «единицей измерения» *год/лет* и др.; абстрактные существительные, называющие основные возрастные периоды (*детство, молодость, юность, старость*); существительные с семей «возраст», обозначающие лицо (*ребенок, подросток, джигит, старик* и др.); прилагательные, обозначающие признак по возрасту или признак возраста (*юный, молодой, старый, дряхлый, седой* и др.); глаголы, обозначающие действия и состояния времени или человека по отношению ко времени (*завершить, исполниться, кончаться, народиться, одряхлеть, прожить, пройти, сменяться, сравняться* и т. д.); соответствующие причастия и деепричастия (*доживя, одряхлев*).

Эпитеты *дряхлый* и *седой* создают визуальный образ старости, которая противопоставляется юности:

Счастливицу жизнь – плодов прекрасных гряда,
Но старику любое горько блюдо,
И юность – удивительное чудо
Для тех, кто стал и дряхлым и седым¹⁵.

Метод количественного анализа позволяет выявить когнитивные доминанты в картине мира поэта. Так, в текстах сборника Махтумкули абстрактные существительные встречаются в таком соотношении: *детство* – 4 раза, *молодость* и *дериваты* – 9, *юность* – 12, *старость* – 13; существительные, называющие лица: *ребенок* – 1 раз, *юноша* – 4, *старик* – 11, *девушка* – 11, *джигит* – 73; прилагательные: *юный* – 2 раза, *дряхлый* – 2, *старый* – 3, *молодой* – 22. Таким образом, в стихотворениях преобладает мотив расцвета жизни – молодости, юности.

Лексические маркеры концепта *возраст* в художественном тексте приобретают дополнительные смысловые элементы (контекстуальные смысловые приращения), которые репрезентируют возрастную характеристику лирического персонажа. Обратимся к контекстуальному анализу и рассмотрим актуализацию слов с семантикой возраста в поэтических текстах.

В стихотворении Махтумкули «Ты в мир явился, человек...» в переводе Ю. Неймана дан перечень основных возрастных вех человека, каждая из которых связана с важным событием в жизни. Поэт описывает, сколько времени находится плод в материнском чреве, в каком возрасте начинается обучение Корану и его чтение, когда человек женится и т. д.: *Ты девять месяцев провел в убежище глухом; В семь лет к учителю тебя отец препроводил; Ты был счастливецом в двадцать лет, справляя брачный той; А к тридцати годам, джигит, ты стал подобьем льва; И все же сорок лет тебе исполнилось едва; Когда полвека проживешь, слышнее божий глас; Ты постигаешь в шестьдесят, что сил иссяк запас; Когда ж – увы! – тебе пойдет семидесятый год; Ты выйдешь в восемьдесят лет из городских ворот;*

¹²Meredow A. Magtymgulynyň düşündirişli sözlügi. S. 10.

¹³Ibid. S. 175.

¹⁴Ibid. S. 272.

¹⁵Махтумкули. Указ. соч. С. 247.

*Махтумкули, несчастен тот, кому почти сто лет*¹⁶. Таким образом, можно представить следующую числовую символику, создающую поэтическую модель жизни лирического героя Махтумкули «в миру и в мире»: 7 – 20 – 30 – 40 – полвека – 60 – 70 – 80 – почти 100. Время существования человека до его появления на свет важно – оно обозначается абсолютным значением *девять месяцев* и метафорическим топосом *убежище глухое*. Точкой «перелома» жизни выступает «арифметическая» середина – 50 лет, основной признак этой возрастной вехи – приближение человека к богу, понимание божьего гласа. В анализируемом тексте используются и условные обозначения возраста, которые определяются исходя из эволюционно-генетического и культурного контекстов, например: *младенчества пора, старость*. Расцветом признается «возраст джигита», который наступает сразу после младенчества и длится до 30 лет: *Прошла младенчества пора, и ты – джигит лихой; А к тридцати годам, джигит, ты стал подобьем льва*. Очевидно, что значение слова *младенчество* не соотносится с научной картиной мира, с возрастной периодизацией. В картине мира поэта и переводчика младенец становится джигитом, который умело управляет скакуном.

Анализируя поэтический материал, в интерпретационном поле концепта мы неоднократно обнаруживаем положительные оценки возраста *джигит*: *Джигит с разумной речью – соль земли*¹⁷; *Джигиту битва – солнца краше*¹⁸. В то же время номинация *джигит* не является мелиоративной по своему лексическому значению (ср. русскоязычный узус). В контекстах Махтумкули встречаются и пейоративные образы джигита: *Вырастет – праздным бездель-*

*ником станет / С детства ленивый и сонный джигит, / Счастья к себе ни за что не приманит / Голодом злым изнуренный джигит*¹⁹.

Старость в поэтическом мире связывается не с благодатью, а с несчастьем, она олицетворяет образ врага человека: *И старость жалкая тебе колени подогнет*²⁰.

Отрицание и страх старости звучат и в других текстах туркменского классика. Обратимся к стихотворению «Нет спасенья» в переводе Г. Шенгели:

Ах, долго ли, Фраги, стонать под властью зла
И гневу правому подрезывать крыла?
А юности весна уже давно прошла,
И старости зима близка, и нет спасенья!²¹

Возраст человека в русской и туркменской картинах мира одинаково соотносится с природными сезонами. Метафора *юности весна* создает образ, понятный русскоязычному читателю: это время, когда зарождается новая жизнь, на деревьях распускаются листья, появляется зеленая трава после долгой зимы. У туркмен весной отмечается праздник *Новруз*, олицетворяющий приход новой жизни; для русской обрядовой культуры актуален праздник *Масленица*. Юность человека и весна в природе являются мелиоративными образами в картине мира. В таких понятиях, как *юность* и *детство*, осознается близость смыслов с понятиями *возраст* и *жизнь* [3, с. 5].

Метафора *старости зима* также прозрачна для носителей обеих лингвокультур: холодной зимой природа «умирает», подобно человеку на исходе жизненного пути. Страх старения – это в основном страх перед старым телом, его распадом, связанными с этим страданиями, зависимостью и бессилием [3, с. 11]. На переживание старости влияет множество факторов, важную

¹⁶Махтумкули. Указ. соч. С. 77–78.

¹⁷Там же. С. 215.

¹⁸Там же. С. 271.

¹⁹Там же. С. 294.

²⁰Там же. С. 78.

²¹Там же. С. 57.

роль среди которых играют распространенные в обществе стереотипы и представления. Ученые отмечают, что старение и старость охватывают биологические и медицинские, психологические и социальные, философские и литературно-эстетические, исторические и этнологические аспекты. Старение и старость загадочны и не могут быть адекватно поняты ни гуманитарными науками, включая философию, ни искусством, включая литературу [3, с. 11–18].

Тема возраста занимает важное место в наследии Махтумкули, на что указывают заголовки автобиографических стихотворений «Годы» и «Пятидесятилетие» (перевод А. Тарковского). В первом из названных произведений преобладают лексемы, выражающие абсолютный возраст с помощью числительных (30 употреблений). Также в лексико-семантическое поле *возраст* включаются глаголы (*накопить, не добрать, сомкнуться*), краткие прилагательные (*стар, сед, удал*), служебные части речи (предлоги *под, до* выражают приблизительность). Семантику возраста репрезентирует культурная аллюзия: *Года пророка насчитал*. Возраст пророка – прецедентный факт для носителя туркменской культуры: известно, что пророк Мухаммед прожил 63 года. Однако ни имя пророка (согласно Корану, пророков было 7), ни конкретный возраст не указан в тексте. Русский читатель может не иметь необходимых пресуппозиций для понимания контекста, поэтому к данным стихотворениям приводятся комментарии.

Временной промежуток *месяц* сохраняет в тексте перевода экзотическое обозначение – *луна*:

Во чреве матери я спал **девять лун**.

Открыв глаза, я в мир попал. – Дни мои!

В пять лун я вышел наконец из пелен;

Мне зубы **в восемь** бог послал. – Дни мои!²²

Рефрен *дни мои* является метонимическим перифразом номинации *жизнь*. Он повторяется в каждой строфе (в общей сложности 10 раз), совмещает дискурсивную функцию грамма-

тического актанта, междометия и обращения. В зависимости от синтаксического оформления та или иная функция актуализируется, выходит на первый план, например:

В шестнадцать лет я бушевал. – Дни мои! (междометие, синонимичное *ах, боже мой*);

О, жертва роковых начал – дни мои! (обращение, маркеры – начальное междометие, пунктуационное оформление, метафорическое перефразирование и т. п.);

Кто память у меня украл? – Дни мои (главный член предложения, субъект метафорически обозначенного действия).

Рефрен *дни мои* формирует субтекст со специфической жанровой функцией – молитвы, заклинания. Жанровым указателем может служить побудительная конструкция *Да будет спутницею вам благодать*.

Поэтическая автобиография частично совпадает с моделью возраста, описанной выше. Основные совпадения: *Я в тридцать лет – стрелу и стремя любил* (пик расцвета джигита); *Я в пятьдесят за четки брался чуть свет* (возраст приближения к общению с богом); *Под девяносто – ноша с плеч, в сердце – страх... Тебе, Махтумкули, до ста не добрать!* (возраст страха старости и смерти).

В стихотворении «Пятидесятилетие» – 13 употреблений слов и словосочетаний с семантикой возраста: существительные (*старость, юность*), прилагательные (*седой, древний, стар*), глаголы в комбинации с существительными (*тает сила, кончается жизнь, не гаснет мой пыл, борода поседела*). В произведении только одно числительное – *пятьдесят* – и его субстантивный синоним *полвека* (остальные лексемы указывают на условный возраст).

Веха *пятьдесят лет* интерпретируется уже как возраст старости:

Да будет нам спутником отчий народ,
Когда мы и впрямь поведем караван,
Доверимся Ною среди пенистых вод,
Дорогу держа **на седой океан**²³.

²²Махтумкули. Указ. соч. С. 116.

²³Там же. С. 102.

В данном отрывке эпитет *седой* косвенно характеризует возраст лирического героя. В следующих строках метафорический перифраз *пятьдесят неминуемых стрел* точно указывает на возраст персонажа:

Я **стар**. Я поистине много скорбел,
Судьбою запродан мой светлый удел,
И те **пятьдесят неминуемых стрел**
Остались в душе, изнемогшей от ран²⁴.

Поэтический образ концептуален: возраст и время ранят человека, причиняют ему боль и страдания, убивают его.

В поэтическом наследии Махтумкули возраст становится фокусом характеристики «обобщенного человека», автора как лирического героя и как поэта, лирической героини-персонажа и героини-адресата.

Рассмотрим описание возлюбленной Махтумкули в поэтическом тексте:

В мире есть красавица одна,
Словно двухнедельная луна;
Родинка ее насурьмлена, –
Кто с моей избранницей сравнится?²⁵

Экзотическое сравнение с луной прозрачно для носителя восточной культуры.

В другом стихотворении поэт указывает на возраст возлюбленной, описывая ее красоту:

С кустом прекрасных **юных** роз
Я, бедный соловей, расстался,
Пролив поток кровавых слез,
С возлюбленной своей расстался.
Ей **тридцать шесть сравнялось лет**.
Не описать ее примет:
Уста – бутон, уста – шербет.
Я с чернотой кудрей расстался²⁶.

Возраст женщины *тридцать шесть лет* в картине мира автора соотносится с ее расцветом.

В заключение можно сделать ряд выводов:

1. Концепт *возраст* занимает важное место в поэтическом наследии туркменского классика Махтумкули. В стихотворениях создается общая модель человеческого существования в соответствии с возрастными вехами. Поэтическая автобиография включает детальную периодизацию жизни поэта – в абсолютных и условных обозначениях возраста.

2. В анализируемом корпусе частотны числительные, обозначающие возраст: 50 употреблений в 95 стихотворениях. Поэтический материал свидетельствует об актуализации определенных граней концепта *возраст*: *джу-гит* – 73 употребления, *старый* и дериваты – 52, *муж* и дериваты – 50, *молодой* и дериваты – 34, *юный* и дериваты – 30, *девушка* и дериваты – 16, *ребенок* – 1.

3. В русской и туркменской картинах мира имеются общие поэтические представления о возрасте человека и времени жизни, например о старости и юности. Различия русской и туркменской лингвокультур выявляются в текстах переводов через лексические и стилистические экзотизмы (*месяц – луна, год – стрела* и др.), а также через культурные аллюзии. Концепт *возраст*, репрезентируемый в русских переводах Махтумкули, отражает картины мира поэта и его переводчиков.

Список литературы

1. Викулова Л.Г., Рянская Э.М. Универсальная категория *возраст* и его языковая реализация: рецензия на монографию Д. Митева «Категория возраста в аспекте номинативной деятельности языка (на материале русского и болгарского языков)». Велико Търново: Фабер, 2012 // Верхневолж. филол. вестн. 2016. № 3. С. 110–112.
2. Pinder W. Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas. Leipzig: Seemann, 1928. 156 S. URL: <https://digital.ub.uni-paderborn.de/ihd/content/titleinfo/2426186> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁴Махтумкули. Указ. соч. С. 102.

²⁵Там же. С. 224.

²⁶Там же. С. 187.

3. Wulf C. On the Anthropology of Age // *Glob. J. Aging Geriatr. Res.* 2021. Vol. 1, № 4. URL: <https://ssrn.com/abstract=4400309> (дата обращения: 10.09.2024).
4. Heidegger M. Die Zeit des Weltbildes // Heidegger M. *Holzwege*. Frankfurt am/M.: Klostermann, 1950. S. 69–104.
5. Максимова О. Старость или «Третий возраст»? Дискурсы субъективного восприятия индивидами собственных возрастных изменений // *Laboratorium: журн. соц. исслед.* 2020. № 12(2). С. 22–44. <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>
6. Марзук Ф.А. Способы вербализации понятия «возраст» в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2008. 238 с.
7. Литвиненко Ю.Ю. Концепт *возраст* в семантическом пространстве образа человека в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 256 с.
8. Сарыев А. Магтымгулының эсерлеринин дилинде парс алынма элементлери. Ашгабат, 1990. 240 с.
9. Соегов М. Некоторые вопросы туркменской литературы и истории в научном наследии А.-З. Валидова-Тогана (к 290-летию Махтумкули Фраги) // *Проблемы востоковедения*. 2014. № 3(65). С. 57–64.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.

References

1. Vikulova L.G., Ryanskaya E.M. The Universal Category “Age” and Its Linguistic Realization: Review of the Monograph by D. Mitev *The Category of Age in the Aspect of Language Nominative Activity (in the Russian and Bulgarian Languages)*. Veliko Tarnovo: Faber, 2012. *Verkhnevolzhskiy filologicheskiy vestnik*, 2016, no. 3, pp. 110–112 (in Russ.).
2. Pinder W. *Das Problem der Generation in der Kunstgeschichte Europas*. Leipzig, 1928. 156 p. Available at: <https://digital.ub.uni-paderborn.de/ihd/content/titleinfo/2426186> (accessed: 10 September 2024).
3. Wulf C. On the Anthropology of Age. *Glob. J. Aging Geriatr. Res.*, 2021, vol. 1, no. 4. Available at: <https://ssrn.com/abstract=4400309> (accessed: 10 September 2024).
4. Heidegger M. Die Zeit des Weltbildes. Heidegger M. *Holzwege*. Frankfurt am Main, 1950, pp. 69–104.
5. Maximova O. Old Age or “Third Age”? Discourses of Individuals’ Subjective Perceptions of Their Own Age-Related Changes. *Lab. Russ. Rev. Soc. Res.*, 2020, vol. 12, no. 2, pp. 22–44 (in Russ.). <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-22-44>
6. Marzuk F.A. *Sposoby verbalizatsii ponyatiya “vozrast” v russkom yazyke* [Ways of Verbalizing the Concept of Age in the Russian Language: Diss.]. Kaliningrad, 2008. 238 p.
7. Litvinenko Yu.Yu. *Kontsept vozrast v semanticheskom prostranstve obraza cheloveka v russkoy yazykovoy kartine mira* [The Concept of Age in the Semantic Space of the Image of a Person in the Russian Linguistic Worldview: Diss.]. Omsk, 2006. 256 p.
8. Saryev A. *Persian Elements in the Language of Magtymguly’s Works*. Ashgabat, 1990. 240 p. (in Turkmen.).
9. Soegov M. Nekotorye voprosy turkmenskoy literatury i istorii v nauchnom nasledii A.-Z. Validova-Togana (k 290-letiyu Makhtumkuli Fragi) [Some Issues of Turkmen Literature and History in Scientific Heritage of Ahmet-Zaki Validov-Togan (to the 290th Birth Anniversary of Magtymguly Pyragy)]. *Problemy vostokovedeniya*, 2014, no. 3, pp. 57–64.
10. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, 2007. 314 p.

Информация об авторе

Н.И. Кутлимурадова – аспирант кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the author

Nazokat I. Kutlimuradova, Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Speech Culture, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 25.09.2024
Одобрена после рецензирования 26.12.2024
Принята к публикации 28.12.2024

Submitted 25 September 2024
Approved after reviewing 26 December 2024
Accepted for publication 28 December 2024